

УДК:321.7(575.2)(04)

*Сарткараев Ш., магистрант БГУ им.К.Карасаева
Саякбаева Э.Т., ст.преп. БГУ им.К.Карасаева*

СПЕЦИФИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается теория дискурса политической коммуникации, понятие, критерии, политической коммуникации, медиакратия. Роль этого аспекта информационного взаимодействия в политической сфере.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, дискурс, теория, медиакратия, актор, информация.

Концепт коммуникации, активно использующийся в социальных исследованиях вот уже более полувека, позволяет раскрыть многие таинства политической жизни, ее многочисленные противоречия и загадки, описать тонкие оттенки развития этой сложнейшей общественной сферы. Более того, как нам кажется, только он и способен «схватить» исторический смысл наступившей постиндустриальной эпохи и помочь в осмыслении перехода к новому типу организации власти и политического сообщества.

Политическая коммуникация сочетает в себе универсальные, общесоциальные и собственно политические, или отраслевые, черты. Первый уровень свойств отражает параметры информационных взаимодействий, единые как для живой, так и для неживой природы (наличие взаимодействующих сторон, каналов связи, помех в трансляции сообщений и т.д.). Общесоциальные характеристики политической коммуникации, задавая взаимодействующим сторонам четкие ролевые очертания (коммуникатора и реципиента), вводят особые коммуникативные единицы общения (тексты) и демонстрируют принципиальное значение для налаживания взаимных контактов осознанных форм восприятия информации. Последняя интерпретируется как предпосылка гипотетически возможного осмысленного контакта между политическими акторами, иными словами, постулируется отсутствие прямой связи между информацией получаемой и усваиваемой [1.72]

Учитывая вышеизложенное, правомерно утверждать, что политическая коммуникация есть частный случай успешной реализации информационных обменов, попыток коммуникатора (например, властных структур) вступить в контакт со своим контрагентом. Таким образом, ее можно идентифицировать как форму общения, установленную на основе направленной передачи информации, породившей осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора. Понятно, что подобная трактовка указывает на возможность трех ситуаций в информационном взаимодействии - предкоммуникативной, коммуникативной и посткоммуникативной. В первом случае речь идет о фазе трансляции информации, т.е. о попытке вхождения в контакт, коммуницировании: во втором - о появлении осмысленного ответа реципиента на первичную информационную коммуникатора, или коммутации; в третьем - о движении вторичной информации в рамках диалоговой или монологической связи реципиента и коммуникатора.

Говоря о собственно политических критериях коммуникации в сфере публичной власти, прежде всего, следует учитывать содержательные аспекты разворачивающихся там информационных взаимодействий: способы коммутации, нормы и институты трансляции сообщений, формы обработки текстов, организацию дискурса и т.д. Первостепенно важной в этом отношении оказывается символическая природа информационных обменов, поскольку именно символы, олицетворяя и обобщая в текстах властно значимые смыслы, служат основанием для идентификации политических объектов в сознании человека.

Роль этого аспекта информационного взаимодействия в политической сфере стоит подчеркнуть еще и потому, что исторически, по мере развития политики, менялись и механизмы символизации сообщений. На наш взгляд, существуют как минимум четыре идеальные матрицы, предполагающие разные механизмы символизации: мифы, религия, идеология и политическая рекламистика.[2.32]

В этой связи стоит заметить, что наблюдаемый в настоящее время дефицит осмысленных контактов между гражданами и властью, а также между гражданами и корпоративными агентами поля политики зачастую обусловлен рассогласованием используемых теми способов символизации информационных продуктов. Так, структуры и индивиды, руководствующиеся идеологическими критериями интерпретации сообщений, создают тексты, которые просто не воспринимаются контрагентами, применяющими иные формы символического раскодирования информации. Нередки и случаи, когда коммуникаторам не хватает элементарной технологической оснащенности для такого форматирования сообщений, которое могло бы обеспечить символическую реакцию со стороны реципиентов. Между тем в подобной ситуации не только трансформируется смысл исходного «послания», но и ставится под вопрос сама возможность коммуникации.

Еще одним принципиально важным критерием собственно политической коммуникации выступает ее публичный характер. Как подчеркивает П.Далгрэн, политика есть «специфическая область публичной сферы, которая вынуждена иметь дело с медиапредставлениями, касающимися принятия конкретных государственных решений».[3.120]

Именно в публичном пространстве политика предстает в качестве постоянно меняющейся и прерываю-

шейся коммутации акторов, в основе которой лежат ценностные расхождения либо различия статусов, позиций, интересов. Иными словами, политика, понимаемая как форма дискурса больших социальных аудиторий, порождена наличием у этих масштабных акторов особых интересов, что не позволяет трактовать присущую ей коммуникацию как аналог межличностного общения.

Это означает, что в политической сфере обращаются преимущественно тексты, представляющие собой продукт коллективного творчества и направленные на обеспечение информационных контактов между политическими группами (в т.ч. между элитарными и неэлитарными кругами как главными информационными контрагентами) по строго фиксированной в каждый конкретный момент проблематике. Забегая вперед, стоит сказать, что именно последнее исключает совпадение социального и политического информационных пространств.

Поскольку же распространение таких сообщений по массовым (ретинальным) сетям неизбежно вызывает разнородную социальную реакцию и, как правило, порождает контрсообщения, то приходится констатировать, что коммуникатор не в состоянии контролировать исходящую от него информацию, более того - он не может даже с уверенностью рассчитывать на установление коммуникативной связи. Конечно, при отсутствии постоянной заинтересованности граждан в политических контактах с элитой и серьезных расхождений в позициях участников информационного рынка многое зависит от качества технологий, направленных на обеспечение взаимодействия власти и общества. Но, учитывая несовместимость идеологических и/или психологических установок акторов, особенности их позиционирования в политическом пространстве и другие факторы, следует признать, что общество и власть нередко говорят на разных языках. Так что реакция этих контрагентов друг на друга может не стимулировать, а свертывать их коммуникацию.

Такое рассогласование информационных позиций рядовых граждан и государственной власти поставило под вопрос возможность возникновения между ними смыслозначимых контактов, т.е. коммуникации как результата информационного взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев. Одним словом, в условиях снижения заинтересованности граждан в политических контактах с властью, способствовавшего существенному повышению самостоятельности правящей элиты, начал рассыпаться механизм формирования обсуждаемой в обществе «повестки дня», а следовательно - и сам остов политики как специфической формы регулирования общественных процессов.

Вместе с тем стало очевидным, что место и роль политических коммуникаций зависят не только от целей населения и способов символизации, но и от технических средств передачи информации. В частности, использование в политике мощных современных телемедиа привело к появлению, как новых типов трансляции информации, так и новых форм коммуникации в сфере публичной власти. Трансформировав систему представительства гражданских интересов, электронные СМИ превратили политику в медиапроцесс, одновременно стимулировав и соответствующие изменения в процессе коммуникации, органически сочетавшиеся с виртуализацией политического пространства, созданием гиперреальности и другими новейшими механизмами поддержания конку-

ренции за государственную власть. Так или иначе, но в складывающемся информационном обществе коммуникация оказалась важнейшим инструментом формирования и самопрезентации политики.[4.78]

Гипотетичность, неочевидность поддержания постоянных контактов между государством и обществом в сфере власти превратили политическую коммуникацию в своеобразный эпицентр политики, ключевое условие и одновременно источник репродуцирования данной формы социальной жизни в целом. Описанные процессы в сочетании с новыми техническими возможностями, позволяющими применять массовые формы виртуального кодирования и организации информационных сообщений для слабо заинтересованных в политическом диалоге с властью социальных аудиторий, привели к изменению исторического места коммуникации в политическом пространстве. Суть этого изменения заключалась в том, что акт коммуникации власти с массовым субъектом сам по себе начал определять формат политических отношений. Коммуникация стала системообразующим элементом политики и приобрела в ней новый онтологический статус, утратив былой вспомогательно-технический характер. Поддержание коммуникации государства с «удаляющимся» от него обществом, почувствовавшим обременительность собственно политических контактов с властью, сделалось центральной задачей всех режимов, достигших этой стадии развития.

Основанный на логике классового противостояния подход полностью игнорирует то обстоятельство, что присущее современному миру нарастание сложности и разнообразия коммуникаций неразрывно связано с диверсификацией источников информирования, увеличением технической оснащенности властей и граждан и появлением у массового субъекта возможности создавать собственные информационные продукты.

Активизирующиеся в таких условиях культурные механизмы информационных обменов сглаживают различия между частной и публичной сферами жизни человека, порождая богатство информационных запросов и конкуренцию производителей интеллектуальной продукции. При этом складывающиеся в политике сетевые структуры общения, подкрепленные соответствующими электронно-техническими устройствами типа Интернета, принципиально не поддаются информационному контролю. Иными словами, несмотря на сохраняющийся и пока еще существенный дисбаланс статусов производителей информации, универсальные тенденции развития политической сферы, не уничтожая тенденцию к контролю над информацией, уверенно вытесняют ее на периферию взаимоотношений власти и населения. Все это указывает на то, что последствия информационного шока в обществе куда опаснее призрачной перспективы тотального контроля над социумом со стороны даже наиболее ресурсно обеспеченных групп.

Разумеется, институционализация связанной с переходом к информационному обществу тенденции к изменению места коммуникации в политике потребует еще определенного времени, хотя перестройка политического пространства с учетом указанной перспективы осуществляется весьма интенсивно. Гораздо более насущной в настоящий момент представляется проблема согласования различных способов символизации информационных сообщений и смысловой интерпретации текстов. Необходимо отдавать себе отчет, что умножение внешне технологических, а на

самом деле принципиально разнокачественных способов символизации политических сообщений не только нарушает коммуникативные процессы в пространстве политики, но и, в конечном счете ставит под вопрос сам механизм политического (символического по своей природе) принуждения, который, собственно, и конституирует данный тип регуляции социальных конфликтов.

Литература

1. Далгрэн П. Политическая коммуникация.-М.,2005.-С.72
2. Землянова Н.И. Эволюция политической коммуникации.- М.2000.-С.32.
3. Почепцов Г. Теория и практика коммуникаций.-М.,2008.- С.120.
4. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации.-СПб.2006.-С.78.